

Кудаяров К.А.*
БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.08

***Аннотация.** Мурат Ецильташ (Анкарский университет, г. Анкара, Турция) и Ферхат Пиринччи (Университет Улудаг, г. Бурса, Турция)¹ утверждают, что осознанное ослабление американцами основ американоцентричного международного порядка, при котором не наблюдается образования нового мирового порядка, приводит к конкуренции великих держав, вызывая таким образом международную турбулентность. Образуется новая геополитическая реальность, в которой появляются как новые возможности, так и новые угрозы. Учитывая тот факт, что, собственно, возможности различных акторов международных отношений сильно разнятся, в том числе и по части управления кризисами, — лишь небольшое количество участников сможет быстро адаптироваться к новым условиям. При этом авторы прогнозируют нарастание геополитического и экономического противостояния между США и КНР, которое, в конечном счете, может привести лишь к взаимному ослаблению и большей сбалансированности мирового порядка. Международная система столкнулась с ситуацией переходного периода: когда рухнет старая система, а новая еще не появилась. Как бы там ни было, нынешняя ситуация выглядит «окном возможностей» для Турции. Поэтому Турция должна составить для себя всеобъемлющую дорожную карту в политике трансформирующегося мира.*

* Кудаяров К.А., канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

¹ Yesiltaş M., Pirinççi F. Küresel dönüşüm sürecinde Türkiye'nin Büyük Stratejisi. İstanbul : SETA Kitapları, 2020. 144 s. Турец. яз.

Ключевые слова: Турция; Ближний Восток; геополитика; Большая стратегия; безопасность.

Трансформационные издержки глобальной системы

Победа Запада в холодной войне и торжество либеральных идей не привели к более стабильному мировому порядку, а напротив – положили конец проекту углубления и расширения демократии. Однополярный порядок США столкнулся с двумя проблемами в контексте дальнейшего продвижения демократии. Это связано с тем, что данная политика по поддержке демократии после событий 11 сентября 2001 г. превратилась в политику обеспечения безопасности. Методы реализации этой политики расходились с либеральными ценностями и привели к росту антиисламских настроений, ксенофобии и приходу к власти ультраправых политических партий в западных странах. Установление демократии в недемократических странах путем смены недемократических режимов, выступающих против либеральных ценностей, и тем самым устранение угрозы американскому господству воспринимаются на уровне регулярной американской практики, применяемой в международных отношениях. Данная политика стала нормой с момента вторжения американцев в Ирак (2003). Процесс, начавшийся в это время, во многом спровоцировал «арабскую весну» в 2010 г., свергнувшую правящие режимы Ближнего Востока. Однако регион оказался неготовым к принятию либеральных ценностей [с. 22]. Возможно, это не в последнюю очередь обусловлено недоверием к западной экономической модели, ее нестабильностью, которая столкнулась с тремя серьезными кризисами после окончания холодной войны. Первый из них связан с финансовым кризисом, начавшимся в Тайланде в 1997 г., далее затронувшим так называемые новые индустриальные страны (НИС) и перекинувшимся на остальной мир [с. 23]. Данный кризис продемонстрировал всю хрупкость новых рынков, пытающихся встроиться в либеральный экономический порядок. Второй кризис возник уже в США в 2007 г. как кризис недвижимости, переросший в международный банковский кризис 2008 г. Благодаря этому кризису многие государства поняли, что, помимо функций регулятора, государству необходимо периодически вмешиваться в экономику для того, чтобы выправить ситуацию. И, наконец, третий мировой кризис начался из-

за коронавирусной инфекции, превратившейся в глобальную эпидемию.

Среди распространенных заблуждений относительно успешности экономического развития государств стоит отметить то, что не обязательно следовать в фарватере развития либеральных ценностей западного общества. Как показывает опыт КНР, можно вполне преуспеть в развитии собственной экономики, при этом сохраняя совершенно иные ценности и обладая абсолютно иной политической культурой. К тому же большой удар по представлениям о свободах рыночной экономики был нанесен торговыми войнами США с КНР, которые начались в бытность президентства Д. Трампа и отличались ярко выраженным меркантилизмом, наиболее заметной чертой которого был государственный протекционизм [с. 26]. Со временем глобальная военная мощь США перешла от абсолютного превосходства к относительному. Это связано как с возвращением России в мировую геополитику, так и с огромными достижениями КНР в экономическом и технологическом плане, что способствовало рассмотрению Китая как глобальной военной державы. Менее крупные государства также проводили политику по увеличению военных расходов, связанную с модернизацией вооружения и укреплением обороноспособности страны. Прекращение действия ДРСМД между Россией и США привело к обострению международной конкуренции по обычным вооружениям.

После событий 11 сентября 2001 г. США, предпринявшие военную интервенцию в Афганистан и Ирак, рассматривали уничтожение «Аль-Каиды» как наиглавнейшую цель в рамках своей военной доктрины. Дальнейшие действия США спровоцировали появление второй волны терроризма, что всерьез пошатнуло глобальную архитектуру безопасности. Вторжение США в такие страны, как Босния и Герцеговина, Косово, Ирак и Афганистан, в значительной степени усугубило нестабильность. В случае с Сирией, американцы превратили ее в испытательный полигон соперничества великих держав XXI в. [с. 28].

Новый характер мирового порядка: многослойная многополярность

Как было сказано выше, политика США после окончания холодной войны привела в конечном счете к трансформации мирового порядка, который авторы именуют «многослойной многополярностью». Возможно, наиболее важной особенностью много-

слоистой многополярности является значительное увеличение числа новых (восходящих) держав. Именно они становятся все более важными игроками в формировании мирового порядка с точки зрения их конфликтных и конкурентных процессов.

Проблема глобального лидерства. Одной из характерных черт возникшей многополярности стала проблема глобального лидерства, которая в свою очередь проявляется на трех уровнях. Первый – переживается на уровне самих лидеров. Между ними довольно много расхождений в позициях по вопросам, связанным с насилием, дискриминацией, расизмом, по широкому спектру вопросов от экономики до безопасности, от изменения климата до экстремизма. Все упомянутое не только препятствует разрешению кризисов, но и углубляет их. Второй уровень возникает по оси «глобальное управление и международные организации». Неспособность ООН принять какие-либо эффективные меры в связи с глобальной пандемией в сочетании с другими проблемами – еще больше усугубляет кризис управления. Вместо того чтобы брать инициативу по управлению кризисами в свои руки, международные организации демонстрируют малоэффективность или используются как инструмент геополитической конкуренции между странами. Позиция ООН в отношении Палестины является ярким тому примером [с. 33]. Стоит отметить и ВОЗ, которая также показала малую эффективность в борьбе с пандемией коронавируса. Третий уровень, на котором проявляется проблема глобального лидерства – то осевые государства. К примеру, ЕС превратился в группу стран, каждая из них принимает решения в национальном масштабе вместо того, чтобы принимать решения и действовать коллективно под эгидой всего Союза. Во многих региональных кризисах Европейский союз не мог выработать единую позицию.

Многослойное распределение власти. Другой отличительной стороной нынешнего мирового порядка является то, что он имеет многоуровневое распределение власти. В отличие от классической многополярной структуры, преобладавшей в XIX в. и служившей для поддержания идеального баланса системы, сегодняшнее распределение власти является весьма фрагментированным [с. 37]. Несмотря на существующее между сторонами неравенство, абсолютная и относительная мощь многих действующих лиц выдает картину гибридной и многослойной полярности. Новую многополярность представляют региональные организации, транснациональные структуры, общественные движения, негосударственные вооруженные группы и террористические организации.

Другой важной чертой XX и XXI вв. является экономика, в которой не только торговля, но и финансы, производственные сети и цепочки поставок имеют глобальный характер, при котором экономическая взаимозависимость не ограничивается определенной географией. В современном мире угроза для государств исходит от самой пандемии коронавируса, а не от нападения со стороны другого государства.

Новые (восходящие) державы: основные элементы нового мира. Авторы подчеркивают, что кратковременная однополярность США уступила место фрагментированному многополюсному миру. Растущая дипломатическая и экономическая активность крупных развивающихся стран, каждая из которых стремится к стратегической автономии, является ярким тому подтверждением. Ецильташ и Пиринччи справедливо полагали, что этот период усилит конкуренцию за власть и безопасность, а также вызовет возникновение новых конфликтов. Авторы видят определенную активность в зоне БРИКС, члены которой усилились настолько, что в состоянии оказывать экономическую помощь другим странам [с. 42]. Поиски статуса вновь возникающих держав расширились и повсеместно распространились по оси экономической экспансии – укрепления военной мощи и выбили монополию власти США в пользу ее распределения между другими акторами и другими регионами. Таким образом, произошло изменение регионального баланса сил. Развивающиеся государства имеют тенденцию бросать вызов статус-кво и пересматривать доминирующие нормы системы с учетом своих интересов и ценностей. С другой стороны, США пытаются предотвратить появление таких акторов, в том числе прибегая к военной силе. Однако это им не удастся.

Новая глобальная архитектура безопасности. Глобальная и региональная конкуренция, возникшая в условиях новой многоуровневой многополярности, как ее называют авторы, привела, в свою очередь, к формированию новой глобальной и региональной архитектуры безопасности. На данном этапе особенностью новой архитектуры безопасности явилось ее значительное усложнение, запутанность, что во многом объясняется М. Ецильташем как естественное следствие перехода от однополярной к многоуровневой / многослойной многополярной мировой политике. Новая конкуренция происходит между различными геополитическими акторами на различных уровнях и имеет место в широком спектре – от климатической повестки до вопросов в сфере здравоохранения, от

транспортной проблематики до обеспечения продовольственной безопасности и т.д.

Авторы полагают, что масштабность (пространственный охват) геополитической конкуренции и противостояния между различными акторами происходят на четырех различных уровнях: 1) геополитика в космическом пространстве; 2) глобальная политика; 3) региональная геополитика; 4) геополитика локального масштаба [с. 46]. Наиболее важным аспектом является то, что геополитическая конкуренция локального масштаба способна оказывать глобальное влияние. При этом она дополняется практически неограниченной конкуренцией. Форма, характер, масштабы войны и ее участников также претерпевают значительные изменения в этой новой модели. Меняющийся характер войны – от горячего вооруженного конфликта до психологической и гибридной – размывает границу между состоянием войны и состоянием без войны, придавая неустойчивость в новом многоуровневом периоде. Сирийский кризис во многом отражает меняющийся характер войны в локальном, региональном и глобальном масштабах. В то время как террористическая угроза находится в центре доктрин национальной безопасности великих держав, тот факт, что угроза стала более изменчивой с глобализацией, изменил характер войны, усугубил конфликты низкой интенсивности и установил прямую связь между международной безопасностью и терроризмом.

Падение / снижение глобальной нормы. Под глобальной нормой авторы подразумевают те нормы, которые определяют внутреннюю работу существующего международного порядка. Проблема нормы довольно сложна, так как существуют три различные политические единицы в контексте отношений между нормой и международным порядком. К первой единице относятся те, кто производит эти нормы. Хотя государства являются производителями нормы, в основном международные институты играют роль в распространении этих норм. В некоторых случаях государства могут стать одновременно производителями, носителями и исполнителями нормы. Ярким примером является вторжение США в Ирак. Вторая группа состоит из акторов, которые потребляют / соответствуют норме (нормотворцы). Акторы, не участвующие в цепочке потребления глобальной нормы, не могут быть в значительной степени «нормальными» игроками системы. Третья группа состоит из действующих лиц, выступающих против нормы. Эти субъекты могут время от времени быть государственными или негосударственными субъектами. Северная Корея и

ИГИЛ* – яркий тому пример [с. 49]. Запад беспокоит то, что на этот раз в мире «маячит» новая норма, которая является менее либеральной, менее интернациональной и более националистической. Авторы полагают, что можно говорить о конце американской гегемонии. Эта ситуация объясняется переходным периодом, когда старое умирает, а новое еще не родилось. Новый тип политической субъективности, который день ото дня укрепляет свою власть в этом все более либеральном состоянии бытия, позиционирует себя в соответствии с этническими, культурными и религиозными критериями и не рассматривает «Запад» как данность (существование), основанную преимущественно на либерально-демократических ценностях. Администрация Трампа показала, что политика американского белого англосаксонского протестантского населения также политически консолидирована. Многополярный гибридный новый мировой порядок представляет собой видимость, в которой конкуренция за производство и потребление норм становится диверсифицированной [с. 50].

Пересмотр внешней политики и политики безопасности Турции

Трансформация внешнеполитической стратегии и ревизия существовавшей архитектуры безопасности в Турции начались с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). Главная стратегия Турции заключается в достижении устойчивой экономической стабильности, которая является необходимым условием для достижения стратегической автономии государства. М. Ецильташ и Ф. Пиринччи полагают, что в складывающемся многополярном мире внешнеполитическая деятельность Турции сопряжена с некоторыми геополитическими и геоэкономическими рисками и возможностями. Авторы считают, что Турции следует предпринять тактические шаги, чтобы сузить свои глобальные горизонты, сосредоточив внимание только на угрозах в непосредственной близости от нее. При этом необходимо сфокусироваться на долгосрочных интересах государства.

Внешняя политика Турции и безопасность. Она состоит из трех «вложенных» уровней, которые будут определять внешнюю политику и стратегию безопасности Турции в рамках глобальной системной трансформации. Первая из этих форм является

* Запрещенная в РФ террористическая организация.

центром притяжения внешней политики и политики безопасности Турции на национальном уровне. На национальном уровне внешняя политика и политика безопасности определяются стратегической культурой, отношениями между государством и обществом, внутренними институтами и мировоззрением исполнительного аппарата (лидера). На внешнюю политику и политику безопасности напрямую влияют безопасность и геополитическая среда, в которой находится страна, а также внутренняя обстановка. Второй уровень внешней стратегии и стратегии безопасности Турции состоит из региональной геополитической среды. Этот уровень время от времени носит соревновательный или конфронтационный характер, как и на внутреннем уровне. Авторы замечают: маловероятна ситуация, при которой есть абсолютные (идеальные) друзья и не ведется (никаких) боевых действий. Региональный уровень внешнеполитической стратегии и стратегии безопасности Турции постепенно сливаются воедино, поскольку местные, региональные и глобальные игроки различаются с точки зрения взаимных стратегических обязательств и напрямую зависят от них. Турция является одним из важнейших элементов архитектуры региональной безопасности на Ближнем Востоке. В свою очередь, Сирии определяется центральная роль во внутренней и региональной безопасности Турции.

Ешилтайш говорит о существовании четырех основных элементов внутренней и внешней политики Турции, негативно влияющих на ее внешнюю политику. К ним относятся: стратегическая культура, сформированная историческими изменениями; современные отношения, основанные на различном историческом опыте; функции государственных институтов, обеспечивающих реализацию политики безопасности; роль политического руководства, которое время от времени брало на себя все эти функции. Оборонительная стратегическая культура Турции возникла как проект строительства национального государства, а практика внешней политики и политики безопасности – как производственный проект национального общества.

Оборонительная стратегическая культура – это доминирующая парадигма, сформировавшаяся на протяжении многих лет. Во внешней политике Турции эта традиция решительно защищала национальное единство, территориальную целостность и светский политический режим, который составлял центр притяжения и геополитического видения культуры безопасности республиканской Турции после распада Османской империи. Рассматриваемая

культура породила внешнеполитическую практику, которая означала построение преимущественно светского государства с упором на турецкий национализм, а также региональный порядок, основанный на Вестфальской системе, и интеграцию турецкого государства в современный западный мир [с. 61]. Внешняя периферия этой стратегической культуры – это в значительной степени холодная война. Ось геополитического дискурса переместилась с акцента на национальное государство на цивилизационный уровень. За последнее время армия и генералитет утратили свои позиции в пользу института президентства и контролируемого им Министерства иностранных дел Турции. Былое равновесие в обществе и архитектура безопасности государства, как полагают авторы, были разрушены действиями Террористической организации Фетхуллага Гюлена (FETÖ), поскольку неудачная попытка государственного переворота, предпринятая сторонниками FETÖ, привела к самым значительным переменам во внешней политике Турции.

Плоскость региональной политики. Кризис безопасности в регионе Ближнего Востока, который непосредственно коснулся и Турции, привел к ряду военных операций Анкары как в отношении террористической Рабочей партии Курдистана (РПК) и ИГИЛ, так и в отношении других подобных им организаций. Такие военные операции Турции, как «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» и «Весна мира», – являются свидетельством этой политики [с. 67]. Начиная с 2016 г. Турция стала чаще использовать военные объекты, поскольку углубление геополитической конкуренции на Ближнем Востоке ускорило гонку за власть, сфокусировав большее внимание на архитектуре региональной безопасности и связанной с ней гонкой вооружений. Все основные глобальные и региональные политические акторы, так или иначе (непосредственно либо через посредников) вовлечены во внутренний конфликт на Ближнем Востоке. Прокси-конфликт и война стали новым нормальным явлением в архитектуре региональной безопасности.

Большая стратегия Турции. Говоря о стратегии Турции, авторы подчеркивают, что ее цель должна учитывать не только средства, с помощью которых она будет достигнута, но и стоимость ее достижения. Общая стратегия представляет план, который укрепляет позиции страны за счет приобретения союзников, получения поддержки нейтральных государств и уменьшения количества враждебно настроенных стран. Несмотря на некоторые различия стратегии применительно к целям и задачам в нацио-

нальном, региональном и глобальном масштабах, главной целью Турции в ближайший период должно стать углубление ее стратегической автономии [с. 75].

Стратегическая автономия. Стратегическая автономия состоит из трех компонентов: 1) политическая автономия с производственными мощностями, необходимыми для независимого планирования гражданских и военных операций; 2) оперативная автономия с производственными мощностями, необходимыми для независимого планирования гражданских и военных операций; 3) промышленная / технологическая автономия, необходимая для реализации оперативной автономии [с. 81]. В этом смысле стратегическая автономия представляется способностью государства действовать в одиночку на международной арене в случае необходимости.

Стратегическая автономия состоит из следующих элементов: 1) способность обладать властью; 2) наличие возможностей для достижения определенных целей; 3) свобода передвижения (мобильность); 4) гибкость, которую можно определить как способность изменяться или адаптироваться к изменениям за короткий период времени.

Важнейшие принципы автономии: 1) она может строить точные прогнозы и предугадывать будущее; 2) свобода принятия решений; 3) свобода действий.

Авторы полагают, что абсолютная стратегическая автономия маловероятна. Однако вполне возможно добиться сильной и устойчивой стратегической автономии, достижение которой является основной стратегией Турции. Наличие такой стратегической автономии будет означать, что Турция в значительной степени самодостаточна в экономическом, военном и технологическом уровнях, а также в области безопасности и внешней политики. Достижение сильной стратегической автономии принесет Турции возможность играть более активную роль в геополитической архитектуре регионального масштаба.

Немаловажную роль в стратегии играет и стратегическая гибкость, которую Ешилташ и Пиринчи определяют как способность реагировать на изменения окружающей среды, успешно приспосабливаясь к ней. Она также включает в себя взаимодействие многих элементов, в том числе прогнозирование нескольких сценариев во время изменения окружающей среды и создание отдельных стратегий для каждого сценария; приобретение и применение ресурсов и навыков, необходимых для реализации указанных стратегий. Стратегическая гибкость – это набор возможностей,

используемых для реагирования на разнообразные требования и возможности, существующие в динамичной и неопределенной конкурентной и конфликтной среде. Планирование должно стоять на первом месте среди отличительных элементов стратегической гибкости. На втором месте стратегической гибкости находятся внедрение и адаптация. Маневренность является третьим элементом стратегической гибкости [с. 86].

Внешняя политика и стратегия безопасности Турции

Во внешней политике и в стратегии безопасности Турции авторы определяют пять стратегических поясов: национальный, пограничный (с соседними государствами), региональный (с соседями по региону ЦА, БВ и СА, Европы, Балкан и т.д.), межрегиональный (с другими регионами: например, государствами Африканского Рога, ЛА, государствами Африки южнее Сахары, Азии и т.д.), и наконец – глобальный.

Первый стратегический пояс следует рассматривать как центр или ядро. Провал в этом поясе может сорвать все инициативы в других стратегических поясах. Природа устойчивой стабильности на национальном уровне должна быть всеобъемлющей и абсолютной. Турции необходимо создать инфраструктуру для абсолютной стабильности на этом уровне. Факторы риска, которые будут на переднем крае первого стратегического пояса, в краткосрочной и среднесрочной перспективах можно выразить как терроризм, экономический кризис, социальную поляризацию и текущие / потенциальные перемещения беженцев. Прогнозируется, что терроризм будет продолжаться в контексте деятельности РПК, FETÖ, ИГИЛ и подобных структур [с. 100]. РПК и ИГИЛ имеют потенциал к обновлению, что может значительно повысить уровень риска на национальном уровне, поскольку события в Сирии, Ираке, Иране и регионе Ближнего Востока, в целом, самым непосредственным образом затронут и саму Турцию.

Стоит отметить, что технологическое превосходство является важной составляющей успеха в борьбе с терроризмом в Турции. Способность Турции повысить уровень разведки в борьбе с терроризмом зависит от дальнейшего развития ее беспилотных систем и продолжения инвестирования в подобные проекты. По мнению авторов, FETÖ представляет большую угрозу на национальном уровне, чем ИГИЛ и РПК, поскольку деятельность «гюленистов»

за рубежом значительно шире и их влияние несопоставимо выше, чем у двух остальных организаций.

Среди других факторов риска для всеобъемлющей стабильности следует назвать возможность появления глобального экономического кризиса (который бы напрямую повлиял на национальную экономику); социальную поляризацию.

Второй стратегический пояс включает сухопутные и морские границы Турции. Он, в свою очередь, подразделяется на две группы. В первую входят такие государства, как Сирия, Ирак, Иран, Греция и три морских района. Во вторую группу вошли Грузия, Болгария, Армения, Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК). Безусловно, второй пояс в целом влияет на стабильность и безопасность на национальном уровне и является основным источником внешнеполитических вызовов.

Одним из важнейших направлений внешней политики Турции стало взаимодействие с Ираном. Также Турции необходимо уравновесить растущее влияние России на Чёрном море и развивать отношения с Украиной. Расширение турецко-украинских отношений, как полагают авторы, помимо экономических выгод, приведет и к ограничению влияния России на Чёрном море. Развитие отношений с Украиной важно для Турции как в плане увеличения своего флота в Чёрноморском побережье, так и уровня военной и оборонной мощи.

Немалое значение имеют и проблемы с Грецией (проблемы территориальных вод Эгейского моря, континентального шельфа и т.д.). Кипрский вопрос и антитурецкая политика в Восточном Средиземноморье также создают нестабильность для Турции.

Важно развивать отношения и с Болгарией, которая является одним из важнейших геополитических «ворот» Турции в Европу [с. 114]. Углубление двусторонних отношений стоит рассматривать как необходимость, а не как стратегический выбор.

Стратегической целью Турции в третьем поясе, как и во втором поясе, является достижение относительной устойчивой стабильности. Стратегические цели Турции с точки зрения относительной стабильности в зоне Ближнего Востока и Северной Африки отличаются от европейской зоны. В Европейском регионе, где экономические отношения институционализированы в рамках сотрудничества в Таможенном союзе, военные отношения – в рамках членства в НАТО, дипломатические отношения связаны с процессом рассмотрения членства Турции в ЕС, а также с ее членством в Совете Европы и ОБСЕ, – не прослеживается фактора

геополитической нестабильности [с. 121]. Страны региона, которые будут и в дальнейшем наращивать свое экономическое и военное сотрудничество с Анкарой, несомненно, углубят стратегическую автономию Турции. С другой стороны, экономический кризис в Европе, а также ксенофобия и исламофобия в ЕС отрицательно скажутся на турецко-европейских отношениях. Чтобы исключить или минимизировать эти риски, Турции необходимо, по мнению авторов, сделать следующее: 1) развивать всесторонние дипломатические отношения, прибегая к стратегической гибкости в тех вопросах, по которым ее интересы пересекаются с другими странами. При этом следует развивать свою стратегическую автономию. К примеру, проблема беженцев останется одной из основных повесток дня, и в этом плане устранение причин, вызвавших приток беженцев, будет важным направлением сотрудничества между ЕС и Турцией; 2) Анкарой могут быть применены эффективные методы стратегии публичной дипломатии, имеющие ориентацию на конкретную страну, а также на конкретных лиц, принимающих решения, и общественность этих стран. Важная миссия ложится на плечи турецкой диаспоры в Европе, которая будет продолжать расширение своей деятельности в рамках президиума по делам турок за рубежом, его региональных отделений, бизнес-ассоциаций TÜSİAD и MÜSİAD и региональных НПО, например таких, как Европейский союз турецких демократов (UETD) [с. 122]. Также необходимо повышать осведомленность и создавать эффективные совместные механизмы для борьбы с ксенофобией и исламофобией. Турция придает большую значимость странам Балканского полуострова, в особенности Боснии и Герцеговине, Косову, Албании и Македонии, с которыми у Анкары имеются традиционно прочные культурные и исторические связи.

В третьем поясе риски для установления устойчивой стабильности создаются также следующими факторами: 1) нестабильной и хрупкой ситуацией в Боснии и Герцеговине, которая время от времени выносится на повестку дня в рамках политической структуры, сформированной Дейтонским мирным соглашением 1995 г.; 2) напряженностью между Косовом и Сербией; 3) ситуацией в Северной Македонии. Хотя эти факторы, по мнению автора, не имеют возможности перерасти в конфликт, подобный ближневосточному или североафриканскому, все же устранение этих рисков будет означать консолидацию Большой стратегии устойчивой стабильности. Отношения, в которых широко используются методы публичной дипломатии на основе экономической,

дипломатической и гуманитарной помощи, будут эффективны при снятии этой напряженности.

К этому же стратегическому поясу относится и Центральная Азия, включающая Афганистан и Пакистан. Здесь также имеются три фактора риска. Первым и общим фактором для всех государств региона является возможность возникновения нестабильности в связи со сменой политического руководства в республиках. Второй фактор – так называемая афганская проблема и связанный с ней риск распространения нестабильности по всему региону. Третий фактор – усиление напряженности между Индией и Пакистаном из-за проблемы Кашмира. Однако нельзя говорить о возможности устранения угроз в регионе лишь посредством турецких усилий. Тем не менее Анкара должна стремиться играть более активную роль в регионе для минимизации угроз. Разумеется, развитие отношений с соседними странами и внерегиональными силами, в дополнение к существующим механизмам урегулирования, позволит Афганистану выйти из сложившейся ситуации. Авторы полагают, что и афганская проблема, и напряженность по линии Пакистан–Индия могут быть урегулированы только при посредничестве Турции. Проблема Кашмира, несомненно, негативно отражается на мусульманской общине Индии, на которой сказывается вмешательство как со стороны общества, так и властей. Развитие двусторонних отношений с Индией поможет снизить давление на мусульманские группы в стране. Отношения Анкары с Исламабадом сохранят свой особый статус. Помимо экономических отношений не исключается возможность углубления сотрудничества в области ядерных технологий. Как подчеркивают Ешильташ и Пиринччи, углубление отношений в военной сфере и ядерных технологиях положительно повлияет на стратегическую автономию Турции [с. 126].

В четвертый стратегический пояс входят страны Африки к югу от Сахары, Латинская Америка и Азия. Особое место отводится Африканскому Рогу (Сомали, Эритрея, Джибути). Углубление военных отношений с последними тремя государствами является важным результатом в процессе развития двусторонних отношений. Для Военно-морских сил Турции наличие турецких военных баз в Африке видится как значительное преимущество, которого сложно достичь на региональном уровне. В результате углубления отношений с Африканским регионом к югу от Сахары будет получена важная экономическая поддержка на национальном уровне и дипломатическая – на глобальном. Это условие рассматривается с точки зрения необходимого усиления стратегической автономии

Турции. С позиции реализации данной стратегии, отношения с Суданом, Эфиопией, Кенией, Нигерией и Южной Африкой представляют большую значимость [с. 129].

От четвертого пояса пятый отличается тем, что он выполняет две функции: нормативную и оперативную. Нормативное измерение глобальной системы было четко указано Эрдоганом в заявлении ООН «Мир больше пяти», где турецкий лидер критикует систему по таким вопросам, как глобальная несправедливость, бедность, ксенофобия, антиисламские движения и проблемы беженцев. К оперативным функциям можно отнести, к примеру, реформирование ООН [с. 131].

Авторы полагают, что определение повестки дня со стороны КНР и США на пятом (глобальном) уровне начнут ослабевать с точки зрения возможностей. Возникнет глобальный вакуум власти и появятся «окна возможностей» для создания воздействия. Это означает рост возможностей для заполнения этого вакуума, что повысит способность Турции использовать «окна возможностей». При этом Турция сможет сотрудничать время от времени с США, КНР и другими влиятельными игроками [с. 134].

Заключение

Мировая система, переживающая глубокий кризис, меняет характер международного порядка. В этом смысле глобальная система и международный порядок представляются авторам многослойными / многоуровневыми и многополярными с точки зрения как разнообразия действующих лиц, так и сложности и переплетения проблем.

Гегемонистская позиция США подверглась серьезной эрозии, которая в свою очередь привела к появлению большого количества действующих акторов, оказывающих существенное воздействие с точки зрения распределения власти в глобальной системе управления. Этот процесс вызывает усиление конкуренции за власть и влияние в мире, а также провоцирует борьбу за обеспечение безопасности между крупными акторами глобального и регионального уровня. Один из наиболее важных кризисов глобальной системы заключается в том, что влияние глобальной нормы постепенно уменьшается, а выработка альтернативных норм остается независимой, а не глобальной. Мировой порядок, основанный на нормах, один из важнейших элементов глобального управления, находится под влиянием множества норм в новую глобальную

многоуровневую (многослойную) эпоху. В условиях существующей геополитической турбулентности Анкара видит «окно возможностей» для реализации своей внешнеполитической стратегии и стратегии безопасности, осознавая также то, что данная внешнеполитическая динамика сопряжена и с большими вызовами и рисками для национальной безопасности самой Турции.

За прошедшие два десятилетия турецкая власть в лице ПСР выработала свое видение роли и места Турции в регионе и в мире, которое отражено в Большой стратегии Турции по реализации геополитических, экономических, военных и других аспектов турецкой политики на национальном и международном уровнях для достижения стратегической автономии. При этом на данном этапе под стратегической автономией подразумевается прежде всего расширение геополитического поля и увеличение внутри- и внешнеполитической мобильности Анкары настолько, насколько это возможно для реализации этой политики (за счет активизации экономической, военной и промышленной деятельности). Важным примером пересечения трех областей для обеспечения стратегической автономии Турции в национальном и региональном масштабах является внутренняя оборонная промышленность. Данная мера представляется необходимой также на тот случай, если Турция будет вынуждена проявлять стратегическую гибкость в ведении внешней политики, а также для успешной реализации политики национальной безопасности.

Kudayarov K.A.

**Turkey's grand strategy in the process
of global changes. (Analytical review)**

Kanybek A. Kudayarov,

PhD (History), Research Associate,
Asia and Africa Department member, INION RAN,
e-mail: kana8306@mail.ru

***Abstract.** Murat Eshiltas (Ankara University, Ankara, Turkey) and Ferhat Pirincci (Uludag University, Bursa, Turkey) argue that the Americans' deliberate weakening of the foundations of the American-centric international order, in which there is no formation of a new world order, leads to competition between great powers, thus causing international turbulence. A new geopolitical reality is being formed, in which both new opportunities and new*

threats appear. Given the fact that, in fact, the capabilities of various actors in international relations vary greatly, including in terms of crisis management, only a small number of participants will be able to quickly adapt to new conditions. At the same time, the authors predict an increase in the geopolitical and economic confrontation between the United States and China, which, ultimately, can only lead to mutual weakening and greater balance of the world order. The international system is faced with a situation of transition: when the old system is collapsing, but the new one has not yet appeared. Whatever it was, the current situation looks like a «window of opportunity» for Turkey. Therefore, Turkey should draw up a comprehensive roadmap for itself in the politics of the transforming world.

Keywords: Turkey; Middle East; geopolitics; Grand Strategy; security.

Бибикова О.П.*

ХАРКИ – НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА АЛЖИРСКОГО НАРОДА

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.09

***Аннотация.** Правительство Франции наконец решилось выполнить свои обязательства перед харки, потомками алжирцев, служивших Франции в колониальный период. Речь идет о выполнении Эвианских соглашений (18.03.1962) и обеспечении прав потомков харки, живущих во Франции.*

***Ключевые слова:** харки; алжирские иммигранты; колониальное наследие; Эвианские соглашения.*

23 февраля 2022 г. Франция приняла закон о признании своих обязательств в отношении харки в соответствии с Эвианскими соглашениями. Эти соглашения были подписаны между Францией и Алжиром 18 марта 1962 г. в городе Эвиан-ле-Бен на южном берегу Женевского озера в ознаменование окончания франко-алжирской войны (1954–1962).

Непосвященный человек непременно удивится, что межгосударственный документ, подписанный 60 лет назад, корректируется и дополняется только сейчас. Как раз в этом году Алжир от-

* Бибикова О.П., канд. ист. наук, ст. научный сотрудник ИВ РАН, olbibikova@mail.ru

© Бибикова О.П., 2022